

Му Циюнь прищурился, в его глазах заиграла лукавая улыбка. Он поднялся со своего места и, широко шагая, направился навстречу Линь Сифэн.

— Ого! Линь Сифэн! Неужели это ты приготовила? — воскликнул он.

Протянув руку за пакетом, он тут же глубоко зарылся в него лицом и жадно втянул носом воздух.

— М-м... пахнет вроде бы неплохо... вот только не знаю, что будет, если это съесть... — не договорив, он нарочито нахмурился, изображая комичное, наигранное отвращение.

Линь Сифэн рассмеялась, легонько толкнула его в плечо и, сделав вид, что хочет забрать бумажный пакет обратно, поддразнила:

— Эй, эй, ты чего? Если не хочешь, отдавай назад!

Му Циюнь ловко увернулся, и Линь Сифэн схватила лишь пустоту.

— Кто же возвращает то, что уже подарили? — рассмеялся он. — Сначала попробую, а там видно будет...

Лицо юноши сияло радостью, он смеялся так искренне, что, казалось, внутри него распускаются тысячи безмолвных, ослепительно ярких фейерверков.

Линь Сифэн прижала руку к его предплечью и покачала головой:

— Лучше отнеси в общежитие и там открой... Я, кажется, переборщила со специями, запах слишком сильный.

Му Циюнь был неглуп и, кажется, сразу всё понял. Он согласно кивнул:

— Я как раз только что позавтракал, так что подожду до попозже.

Линь Сифэн достала из рюкзака несколько стержней для ручек, и на этом содержимое сумки исчерпалось.

Му Циюнь замер. Он схватил её рюкзак, пошарил внутри, а затем, уже с нотками раздражения, воскликнул:

— Линь Сифэн! Ты что, реально все выходные только и делала, что спала? Ты не взяла с собой ни учебников, ни тетрадей, даже ручки ни одной не захватила! Ты вообще в своём уме? О чём

ты только думаешь, когда до выпуска осталось так мало времени?

Му Циюнь редко злился на Линь Сифэн, и от этого она почувствовала себя неловко и растерянно. Она приоткрыла рот, но тут же захлопнула его. Опустив взгляд, она выхватила рюкзак и холодно бросила:

— Это моё дело. Скоро одиннадцатый класс, лучше думай о себе. Кстати... вот самые свежие заметки по географии...

Му Циюнь стоял против света, и его глубокие глаза тонули в тени, скрывая истинное выражение лица.

Перед таким Му Циюнем Линь Сифэн невольно оробела. Особенно когда она упомянула географию, а он остался совершенно бесстрастным.

Она и сама не знала, в какой момент угодила в эту финансовую ловушку с репетиторством. Когда она только что отдала ему еду, улыбка на его лице была искренней, правда? В тот миг его мягкий взгляд подарил ей ощущение тепла, похожее на настоящую дружбу.

Однако стоило заговорить о занятиях, как он в её глазах превращался в спонсора, а она — в наёмного работника. Между ними возникло тонкое, гнетущее неравенство. Весы в душе Линь Сифэн постепенно теряли равновесие... Ей действительно были нужны эти деньги.

Почти инстинктивно она растянула губы в слегка натянутой улыбке, в которой читалось заискивание:

— Ты прав... Посмотри, разве я не стараюсь систематизировать материал по географии?

Му Циюнь откинулся назад, скрестив руки на груди. Его длинные пальцы и выступающие вены подчёркивали юношескую силу. Он был настолько высоким, что Линь Сифэн приходилось заирать голову, чтобы видеть его лицо.

Его взгляд был опущен, а выражение лица в полумраке оставалось нечитаемым, отчего сердце Линь Сифэн тревожно забилося.

Казалось, всё это долгое репетиторство было лишь выдуманной ею ложью. Му Циюнь всегда был невероятно сообразительным, и Линь Сифэн до сих пор не могла осознать, что у него могут быть предметы, которые ему не даются.

Никто не идеален, у каждого есть свои слабости, и каждому когда-нибудь нужна помощь — именно этими словами Линь Сифэн всегда себя утешала.

Чтобы занятия проходили гладко — или, вернее, чтобы продолжать получать оплату — она зачитала учебники географии до дыр. Она знала все темы ЕГЭ наизусть, даже не задумываясь.

Хотя лишь однажды Му Циюнь получил почти высший балл, в последующие месяцы его успеваемость по географии снова пошла на спад, лишь изредка немного улучшаясь.

Му Циюнь часто приносил ей свои конспекты по другим предметам и тщательно отобранные задачи, оправдываясь тем, что так Линь Сифэн сможет без лишних забот заниматься его географией. Но она всегда чувствовала укол совести.

Благодаря помощи Му Циюня её собственные оценки по остальным предметам значительно выросли. Иногда ей казалось, что учить уже больше нечего, но Му Циюнь, словно фокусник, каждый раз находил её слабые места.

Линь Сифэн словно поймала попутный ветер — её успеваемость стремительно росла. Из-за того, что она превратилась из отстающей в одну из лучших учениц, классный руководитель и учителя-предметники стали давать ей больше свободы.

Она могла в открытую заниматься географией на уроках английского.

Решать математические задачи на уроках литературы.

А если вечером нужно было помочь родителям в закусочной, она всегда могла отпроситься.

Иногда Линь Сифэн невольно ловила себя на мысли: а не она ли сама — главный бенефициар этого репетиторства? Особенно если учесть ту солидную сумму, которая наконец-то позволила ей нормально питаться.

Раньше Линь Сифэн казалась пухлой и постоянно выглядела какой-то сонной. Её питание было нестабильным, а школьная еда стоила слишком дорого.

Жареная свинина была её спасением — она могла храниться в общежитии несколько дней и не портиться.

Каждый год во время школьных медосмотров врачи предупреждали её: несмотря на юный возраст, у неё уже проблемы с давлением и холестерином, не говоря уже о недоедании на фоне лишнего веса и гормональном сбое.

Но растущий организм девочки постоянно требовал пищи. Родители держали их маленькую закусочную в ежовых рукавицах. Даже лишний лист салата был для неё недостижимой роскошью. Овощи и фрукты предназначались исключительно для Линь Цзывана.

В детстве Линь Сифэн ещё пыталась бороться за еду, но розга в руках Лао Цзюань была слишком убедительным аргументом.

Она помнила, как однажды на её ноге остался длинный кровавый рубец, но девочка была слишком мала, чтобы даже дотянуться до полки с антисептиками. Рана воспалилась, поднялась температура, и она, вся пылающая, потеряла сознание прямо в детском саду. К счастью, добрая воспитательница вовремя отвезла её в больницу.

Тогда, лёжа на больничной койке, Линь Сифэн в полубытьи крепко сжимала руку воспитательницы и шептала: мама...

На самом деле она прекрасно понимала, что перед ней не Лао Цзюань. В тот момент Линь Сифэн так сильно хотела уйти вместе с этой женщиной...

Под таким гнётом ей оставалось лишь собирать шкварки, оставшиеся после вытапливания свиного жира. Их всё равно собирались выбрасывать. Никто не любил эту пережаренную массу, поэтому Лао Цзюань никогда её за это не ругала.

Шкварки были невероятно вкусными. Если их пережарить и смешать с солью, они могли храниться очень долго, даже в сильную жару. Эта привычка осталась с ней на долгие годы.

<http://bllate.org/book/21808/2257096>